

ВСПОМИНАЯ ЛЕОНИДА ВИТАЛЬЕВИЧА КАНТОРОВИЧА

*Мыслями о своем наставнике и учителе делятся сотрудники
Института математики СО РАН*

Когда в эти январские дни мы жили воспоминаниями о Леониде Витальевиче, неожиданно получили от его сына, Всеволода Леонидовича, запись пожеланий нашего учителя самому себе. Она сохранилась в семье с 19 января 1986 г., когда Леонид Витальевич, уже тяжело больной, отпросившись из больницы, в последний раз отмечал свой день рождения в кругу близких. Снятый в тот день видеофильм сохранил для нас живой образ Леонида Витальевича, а здесь хотелось бы привести его пожелания.

Он хотел бы, чтобы в дарованное ему время «...он оставался трудоспособным и мог добавить что-то к тому, что он делал до сих пор, во-первых, и, лучше понять и лучше показать людям то, что он сделал раньше, во-вторых». И его вывод: «Я помню, что и Владимир Иванович Смирнов в последние годы своей жизни говорил: главное ни то, ни другое в науке, а то, чтобы делать людям добро. Одним словом, я так думаю и надеюсь, что все присоединятся к моему пожеланию и помогут его осуществить».

О Леониде Витальевиче Канторовиче и его работах я узнала в 1959 году, во время учебы на V курсе экономического факультета Ленинградского госуниверситета, и это определило многое в моей дальнейшей жизни. Вместо преподавателя политической экономии или экономиста на предприятии я оказалась сотрудником создаваемой в то время Л.В. Канторовичем и В.С. Немчиновым Лаборатории по применению математических и статистических методов в экономике СО АН СССР и сразу же была прикомандирована на VI курс родного факультета, организованного Леонидом Витальевичем для ускоренной подготовки кадров по новой, «гибридной», как он ее называл, математико-экономической специализации.

Лекции Леонида Витальевича дали не только авторское изложение вышедшей его книги «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов»

(одного из основных его трудов, впоследствии удостоенного в 1965 г. Ленинской, а в 1975 г. — Нобелевской премий), но сразу же ввели нас в область научных дискуссий, в которых в то время решались принципиальные вопросы дальнейшего развития экономической науки.

Так случилось, что после приезда в Новосибирск (1960 г.), уже работая в возглавляемом Л. Канторовичем Математико-экономическом отделении Института математики СО АН СССР, в числе других сотрудников и мне пришлось неоднократно участвовать в обсуждении работ Леонида Витальевича в связи с появлявшимися в печати статьями, содержащими их резкую критику.

Особенно запомнилось одно из первых таких обсуждений на семинаре по методологии математики механико-математического факультета МГУ (май 1961 г.), проведенном стараниями проф. С.А. Яновской, о которой Леонид Витальевич доверительно сказал: «математики во времена репрессий не пострадали благодаря Софье Александровне, занимавшейся философскими проблемами математики». Неизгладим в памяти образ этой удивительной женщины, простой, скромной, с ее по-матерински добрым отношением к Леониду Витальевичу. Особо запомнилось участие в работе семинара А.Н. Колмогорова, который, как и многие другие выдающиеся математики, оказывал впечатляющую поддержку работам Леонида Витальевича при их обсуждении.

В том, что Леонид Витальевич поручил выступить на этом семинаре мне, не проработавшей после окончания учебы и года, проявилась одна из черт его характера, о которой его ученик и соавтор проф. В.А. Залгаллер сказал так: «поручить чуть больше, чем человек от себя ждет». Очень часто и в дальнейшем он давал нам поручения, которые, казалось, выполнить не сможешь, но настолько воодушевляющими были его вера в твои силы и настойчивость, что в результате выпадали случаи, когда удавалось оправдать его доверие. Но больше запомнилось неудачное выступление (январь 1965 г.) на обсуждении работ Л. Канторовича, В.С. Немчинова и В.В. Новожилова в связи с выдвижением их на Ленинскую премию, когда в переполненном конференц-зале Института экономики АН СССР собрался весь цвет экономической и математической наук. Я как-то оробела, растерялась, выступала заикаясь, не всегда находя нужные слова. Леонид Витальевич ожидал от меня большего, и это видно было по его глазам, но не упрекнул, а утешил, улыбнувшись: «Ничего, по крайней мере, известно, на чьей стороне вторая половина человечества». Участие в дискуссиях завершилось публикацией в 1967 г. в журнале «Вопросы экономики» статьи, написанной совместно с Г.Г. Пузановой.

Леонид Витальевич определил основное направление в моей работе, которое сохранилось до сих пор — использование методов оптимизации в сельском хозяйстве, в особенности для решения рентных проблем как теоретического, так и прикладного характера. В трудах Л. Канторовича дано обоснование принципиальных положений, касающихся ренты, которые он отстаивал и в науке, и в практических рекомендациях, с которыми обращался в различные

управляющие органы. Он доказывал, что экономически эффективным и социально оправданным является изъятие рентных платежей за пользование природными ресурсами при общенародной собственности на них. Тем самым могут быть экономически уравновешены условия в различных природных зонах и обеспечен принцип «равной оплаты за равный труд», а государство получит надежный источник доходов. Подобные взгляды разделяют и многие авторитетные зарубежные ученые. Приведем ниже для примера мнение тридцати видных ученых, в том числе четырех лауреатов Нобелевской премии в области экономики, подписавших Открытое письмо Президенту СССР М.С. Горбачеву в 1991 г.: «...существует опасность, что Ваша страна заимствует у нас такие черты экономики, которые мешают западным странам процветать в той мере, в какой они могли бы. В частности, есть опасение, что вы можете последовать по нашему пути, позволив частному сектору присваивать большую часть земельной ренты. Важно, чтобы земельная рента была сохранена как источник государственного дохода».

К сожалению, это предостережение в нашей стране не было услышано, так же как и голос Леонида Витальевича, который настойчиво звучал в том же плане задолго до этого. С принятием нового Земельного Кодекса узаконено частное присвоение ренты. Остается меньшая часть ренты — в сельском хозяйстве, судьба которой еще не решена окончательно.

Леонид Витальевич жил в трудное время, часто опережая его. Временами ему приходилось говорить и писать полуэзоповским языком, даже замолкать. Но он успел сказать многое, и лучшей памятью для него будет, если современное и будущее поколения услышат его и поймут. Хотелось бы в заключение напомнить слова Леонида Витальевича из его последнего интервью: «Даже в работах полувековой давности нет почти ничего, от чего бы я сейчас отказался».

М.И. Вирченко

Самое раннее, правда, заочное знакомство с Л. Канторовичем состоялось у меня в 1962 г., в первой летней физико-математической школе, организованной усилиями М. Лаврентьева, А. Ляпунова, А. Будкера и ряда других выдающихся обитателей тогда еще совсем юного новосибирского Академгородка. Помню яркие, как всегда, очень интересные и содержательные рассказы А. Ляпунова о линейном программировании (между прочим, он был автором предисловия к известной книге Льюиса и Райфы «Игры и решения», вышедшей в 1961 г. и содержащей изложение элементов линейного программирования), а также об очень важных результатах Канторовича и Ливенсона, полученных где-то еще в 20-х годах в области дескриптивной теории множеств.

Признаюсь честно, по молодости лет мне тогда как-то больше запомнилась фамилия Ливенсона (возможно, из-за ассоциаций с романом Фадеева «Разгром»), Кроме того, А. Ляпунов (сам уже тогда бородатый) говорил, как мне казалось, о людях, которые уже в 20-х годах были достаточно взрослыми

и, конечно, к середине 60-х годов должны были находиться на заслуженном отдыхе (только много позже я узнал, что ленинградский математик Е. Ливенсон погиб во время Великой Отечественной войны). Каково же было мое потрясение, когда я узнал, что мой школьный приятель Валера Новиков (вундеркинд — без всяких натяжек) ходит в Институт математики и регулярно общается с этим самым знаменитым Канторовичем на предмет функционального анализа и математического программирования, а лет этому ученому всего 50 или около.

По-видимому, Л. Канторович, в отличие от упоминавшихся уже выдающихся ораторов, любивших выступать перед большими массами «фымышат», предпочитал сугубо камерные, но регулярные собеседования с интересными ребятами из ФМШ. Здесь следует отметить, что не только Л. Канторович, но и многие сотрудники его отделения (например, В. Макаров, Э. Рапопорт, А. Рубинов и другие) принимали самое активное участие в проведении Всесибирских физико-математических Олимпиад и работе ФМШ. Скажем, первую книжку по теории игр (которой я давно уже занимаюсь профессионально) я получил из рук Э. Рапопорта — может быть, именно Л. Канторович посоветовал ему организовать чтение лекций в ФМШ по этому самому Мак-Кинси (хорошая книга, между прочим).

Я до сих пор больше всего горжусь тем, что Леонид Витальевич очень одобрительно отозвался о нашей диссертации, посвященной применению методов теории пространств Канторовича к решению некоторых проблем в области бесконечных кооперативных игр.

Конечно, я помню и более поздние беседы с Леонидом Витальевичем в 1984 г. на конференции в Вильнюсе, где он упорно противился моим попыткам примирить оптимальное планирование и теорию игр, ориентированную на анализ взаимодействия достаточно автономных, независимых хозяйственных субъектов. Не помню дословно, но смысл его возражений заключался в том, что роли этих двух дисциплин в научной(рациональной) организации экономической жизни подобны функциям шагающего экскаватора и совочка для детской песочницы при строительстве (пресловутого) котлована — без которого не обходится нулевой цикл строительства чего-либо путного вообще. Конечно, в этой оценке нет, мне кажется, какого-то серьезного противоречия с добрыми словами в адрес моей диссертации. Выдающийся математик и экономист, Л. Канторович отлично понимал значение фундаментальных исследований в области теории игр и экономического равновесия. Другое дело, что огромный (без преувеличения) опыт применения математических методов в решении экономических проблем давал ему веские основания именно для такой расстановки приоритетов. Он, бесспорно, знал истинную цену многих важных вещей.

Например, один из его главных тезисов, касающийся определяющей роли государства в целом ряде жизненно важных экономических проектов (ТЭК, образование, здравоохранение, фундаментальная наука и т.д.), не могущих

быть достойно реализованными рыночным механизмом (главным образом, в силу значительных сроков окупаемости), выдержал, как мы все знаем (на собственной шкуре), проверку временем. Более того (специально для тех, кто верит только западным оракулам): целое направление западной экономической мысли, именуемое экономикой благосостояния, считает этот тезис основополагающим для современной экономической теории. Важно отметить в этой связи, что своими работами по глобальным оптимизационным моделям Леонид Витальевич создал главную несущую конструкцию этого направления — модели и методы оптимального планирования, использующие широкий ассортимент эффективных вычислительных средств, в том числе и открытое им линейное программирование.

Конечно, при анализе проектов с «короткими деньгами» (как это видно из его высказываний о важности декомпозиционных методов с их локальными решениями автономных подсистем) вполне могут быть уместны модели и методы теории игр (к сожалению, не достигшие пока тех высоких стандартов эффективности, которые типичны для многих продвинутых моделей и методов оптимизации). Но это уже другая история.

В.А. Васильев

В моей памяти Л. Канторович остался как очень доброжелательный и справедливый человек. Вот один из случаев, касающийся меня лично.

По инициативе Леонида Витальевича при Госплане СССР разрабатывалась тема по оптимальной загрузке прокатных станов. Это был совместный проект, объединяющий работу пяти исследовательских организаций. От нашего института в разработке участвовал и я, тогда еще совсем молодой младший научный сотрудник. Часто приходилось пропадать в командировках в Днепропетровске, в Москве. Общими усилиями были получены интересные результаты и значительный экономический эффект от внедрения их в практику работы Госплана. Решили выдвинуть работу на Госпремию. Участников много, конечно, есть солидные и заслуженные, а количество мест в авторском коллективе, который выдвигается на премию, регламентировано. В общем, поначалу меня в список не включили. Но потом решение было пересмотрено, и моя фамилия в список таки попала, — Леонид Витальевич настоял. А премию нам все равно не дали. Но мы не расстроились. Мы были рады самим результатам. А материальная сторона не имела такого острого звучания, как сейчас. Но все же Леонид Витальевич выписал мне премию — три месячных оклада. И наша семья летом отдыхала в Крыму.

В.И. Шмырев

Судьба подарила мне общение с Леонидом Витальевичем. В Математико-экономическом отделении Института математики СО АН он руководил нашей с Марией Ивановной Вирченко работой по применению математических моделей и методов для совместного исчисления земельной ренты и цен на сельскохозяйственную продукцию. Он и сам не упускал возможности использовать свой авторитет, чтобы привлечь внимание ученых и практиков к

проблеме ренты. Однажды Леонид Витальевич делал доклад на эту тему в Госкомитете цен СССР в Москве на крупном совещании по вопросам ценообразования в сельском хозяйстве. Второй доклад должна была делать Мария Ивановна. Но волею случая на совещание пришлось поехать мне. Из-за нелетной погоды я сильно опоздала и не успела на доклад Леонида Витальевича. Поэтому я спросила его, о чем мне говорить, а о чем — нет, чтобы не повторяться. На что он ответил, что про ренту нелишне будет и повторить. Аудитория, перед которой мне пришлось выступать, была очень солидной: там были и люди, заведовавшие реальным ценообразованием, и ученые из отраслевых институтов. Они не только не разделяли моего энтузиазма по поводу использования моделей, но не воспринимали и самого слова «рента». Совершенно этим расстроенная, я сказала Леониду Витальевичу после заседания: «Мария Ивановна выступила бы лучше меня». «Мария Ивановна выступила бы лучше нас обоих», — улыбнулся он. Вот так великодушно он подал мне руку. Опереться на нее мне пришлось и в более трудных ситуациях. У меня свет в душе, когда я думаю о Леониде Витальевиче. Он был удивительным человеком, дивным, как могла бы сказать Людмила Трофимовна Петрова. Мне кажется уместным, говоря о Леониде Витальевиче, поставить рядом с его именем имена его соратников по работе в Институте математики — Людмилы Трофимовны Петровой и Глеба Павловича Акилова. Их уже нет с нами, всех троих, и все же они с нами и помогают нам жить.

Н. В. Шестакова

Источник:

Вирченко М. И., Васильев В. А., Шмырев В. И., Шестакова Н. В. Вспоминая Леонида Витальевича Канторовича // [Наука в Сибири](#). – 2002. – N 2. – С. 5.